

и Патм—Иоанна Богослова, Индия — Фому, Египет — Марка. Вся страны и грады и людие чтуть и славят кожде их учителя, иже научивша православной вере. Похвалим же и мы... нашего учителя и наставника, великаго кагана нашея земли Володимера.. Не в хуе бо и не в неведоме земле владычествоваше, но в Русьскойой...

лимская брата господня Иякова, и Андрея Первозванного все Поморие царя Константина Греческая земля, Володимера — Киевская со окрестными грады, тебе же, великий князь Дмитрий Ивановичь, вся Русьская земля.

петъская — Марка евангелиста, Греческая Андрей апостола, Русская земля великого князя Володимера, крестившаго ю, Москва же блажит и чтит Петра митрополита яко новаго чудотворца, Ростовская же земля Леонтия, тебе же, о епископе Стефане, Пермская земля хвалит и чтит яко апостола, яко учителя, яко вожа, яко наставника.

Мы видим, как свободно обращается Епифаний со своим образцом. Он все время старается выражать те же мысли иными словами. Вместо «хвалит же» он пишет «похваляет бо», вместо «Римская страна» — «Римская земля», вместо «чтут и славят» — то «чтит и блажит», то «хвалит и чтит». Почти весь подбор слов у него новый; если и остались отдельные слова, как «грады» и «учителя и наставника», «Русьская земля», то они появляются в совсем ином окружении. Он изменяет даже ряд стран и апостолов: в Житии Дмитрия Донского он оставил Рим, Азию и Индию с их патронами, но выпустил Египет, зато вставил Иерусалим, Греческую землю и все Поморье (Черноморское) с Андреем Первозванным, считавшимся и патроном Русской земли. Вставил и двух канонизованных государей — царя Константина и Владимира Киевского, что дает удачный переход от апостолов к русскому государю Дмитрию.

В Житии Стефана Пермского он старается разнообразить заимствование: изменяет первые фразы о Римской и Азийской земле, вставляет Египет и Антиохию, но выпускает Индию и Иерусалим, выпускает царя Константина, но дает Греческой земле в патроны Андрея Первозванного, расширяет фразу о Владимире и прибавляет еще похвалу Москвы — митрополиту Петру и Ростова — епископу Леонтию. Вся эта филигранная перечеканка сделана с большим умением.

Мы не можем согласиться с В. П. Адриановой-Перетц, когда она утверждает, что «в похвале есть несомненный отголосок Летописной повести, правда, не ее исторических эпизодов. Гиперболическое описание горя автора в начале похвалы представляет сокращение плача побежденного Мамай в Летописной повести, где этот эпизод не самостоятелен: это одно из заимствований, сделанных автором Летописной повести из довольно неожиданного источника — из апокрифического „Слова на Рождество Христово о пришествии волхвов“». ³⁶ В. П. Адрианова-Перетц приводит вполне убедительное сопоставление текстов Летописной повести и «Слова на Рождество», но не приводит сравнения со «Словом о житии» Дмитрия Донского. Между тем, если мы сопоставим все три текста, мы увидим, что последний несколько ближе к тексту «Слова на Рождество», чем к Летописной повести.

«Слово о житии»
Дмитрия Донского

«Слово на Рождество»

Летописная повесть

Како воспишу или како возглаголю о преставлении сего великаго князя? От

Каяждо бо их к себе глаголаше: «О горе ми, горе ми, власы ми растерзаются,

И рече к себе Мамай: «Власи наши растерзаются, очи наши не могут огнен-

³⁶ В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии... стр. 87.